

Гастроли Саратовского краевого театра им. Карла Маркса. «Трус», 2 акт, сцена на мосту. Василий Барыкин — арт. А. П. Данисов, Дорифей Семенов — Б. А. Терентьев и Кузьма Сафонов — И. К. Соловьев.

Первые встречи

Гастроли Саратовского краевого драмтеатра в Москве

Театры опередили Волгу — она еще не течет у стез Кремля, а артисты крупнейших волжских центров — Горького и Саратова — уже играют в Москве.

Система декад и смуты национальных и периферийных театров, широко практикуемая Всесоюзным комитетом по делам искусств, дала возможность ряду театральных артистов показать свои художественные силы, нагляднее, чем в своем родном театре, проверить их на новой арене, добиться признания или выслушать укоры с тем, чтобы, вернувшись домой, исправить ошибки, учесть указания старших товарищей.

Все это особенно важно именно сейчас, накануне 20-летия Великой Октябрьской революции, когда не только центр, но и периферия должны обладать лучшим в мире по идейности и мастерству театром.

Саратовскому краевому драматическому театру им. Карла Маркса есть чем похвалиться: у него крепкий, спаянный ансамбль, детально разработанный трехдневный план классического репертуара, 50—60 репетиций на постановку, его артисты, заслуженные артисты республики, отказавшись от кочевья, стали саратовскими патриотами, а волжские пароходы с гордостью носят их имена.

Играть в Москве, перед ее требовательным, воспитанным на высоких образцах искусства зрителем — задача трудная и ответственная. Недаром все артисты, выступавшие в Москве, испытывают огромное волнение, приближающееся к той «лебединой хихорадке», о которой читаем мы в мемуарах больших артистов. Это волнение, несомненно, складось и на исполнении «Леса», показанного Саратовским театром для первой встречи с Москвой.

«В репертуаре театра им. Карла Маркса сейчас легко обнаруживаются спектакли так называемые «режиссерские» и спектакли, в которых абсолютно доминирует актер», — читаем мы во вступительной статье сборника, выпущенного театром к московским спектаклям.

Попробуем разобраться, к какому же разряду — «режиссерскому» или «абсолютно актерскому» — относится «Лес».

У постановщика классики на советских подмостках есть, как известно, два пути: реставрационный и путь социального раскрытия пьесы. Я затрудняюсь, к какому из этих двух путей отнести постановку «Леса» в Саратовском театре. Если это реставрация, то откуда эта Улита, смахивающая не то на чеховскую Шарлотту, не то (я перелю в особенности) на Дон-Базилло на оперного товарищества дореволюционных времен. Или этот Аркадий Счастливцев, — такой упитанный, приятный, моментами напоминающий Чаплина или какого-то мольтеровского персонажа и также, несомненно, показавший в «Лесе» по недоразумению.

Такая электичность режиссерской концепции не могла, конечно, не сказаться и на других исполнителях и в первую очередь на Несчастливцеве и Гурмыжской.

Несчастливцев — трагик. Не только по пьесе, но и по актеру. За его

пафосно-напыщенными речами должно ощущаться большое сердце, глубокие переживания, подлинное богатство чувств. Счастливцев, вообще актер талантливый и обаятельный, уходя от благородных исполнительских традиций, которыми овеяна роль Несчастливцева, тянет своего Гениална к излишней простоте, обесценивающей в конечном счете этот замечательный образ. Игра в «простоту» неизбежно пагубно отразилась на эволюции спяне 4 акта (обожение Несчастливцева в Алхимией), поданной без подъема, без трепета, по-режиссерски.

Сурьяной — Гурмыжской недостает «алхимической помешанности», барышн недостает «Леса». Выдвинутая на первый план мотивы второй молодости и поздней любви, Сурьяна тем самым мельчает роль, низводя ее до простого эпизода, повествующего о том, как излучившийся гимназист стал мужем старшей помещицы.

Несмелов в своем плане, плане как мы уже сказали весьма дискуссионном, хорошо играет Аркадия Счастливцева.

Вторым спектаклем Саратовский театр показывал «Труса» Александра Крона. Это не очень тонко, местами выдвинутое напористо и мелодраматично, со всеми, так сказать, точками над «и», но зато едино по тону, стилю и ритму, без того разнообразия, которым отмечена постановка «Леса». Молодой режиссер А. В. Тункель знает, чего он хочет, и настойчиво осуществляет свой план, решительно преодолевая слабость литературного материала, над которым ему в данном случае пришлось работать. Тункель несомненно, способный, обещающий режиссер.

Из исполнителей «Труса» трудно во что-либо выделить, но зато все они — Терехов, Терентьев, Денисов, Вросявич и Тид — играют хорошо, сильно созданная крепкий ансамбль.

Несмотря на такую «слаженность» «Труса», Саратовский театр открыл свои спектакли в Москве «Лесом». Это признак хорошего вкуса, в котором вообще, даже судя только по этим двум спектаклям, далеко, как говорят, не лучший, Саратовскому театру нельзя отказать.

Разве, например, выступление Озона в «Лесе» не является проявлением того же вкуса и тона? Лучший актер труппы, старейший мастер коллектива выходит в первый раз в Москве в первом спектакле в роли Восемьдесятых—роль, далеко не ведущая и невыигрышная и только благодаря мастерской, взвешенной передаче Слова ставшей в первые ряды.

Пьеса Крона — пьеса короткого театрального века. Юбилейная, так сказать, пьеса. Не больше, 65-летний возраст «Леса» для «Труса» недостижимая давность. А Островский живет и сверкает всеми гранями своего замечательного, полнокровного таланта. Это ему аплодировали зрители премьеры «Леса» в Саратовском театре и течение всего последнего акта.

«Театр Островского — сейчас труп, в особенности «Лес», — писал в 1924 году Михаил Левинсон.

Побольше бы таких «покойников».

ВИКТОР ЗРМАНС